

Йордан Люцканов

Переводная и критическая рецепция Дмитрия Мережковского в Болгарии

Обильная литература 1950-1980-х гг. по русско-болгарским литературным связям и (с 1970-х) типологическим сходствам обходит молчанием Мережковского либо ограничивается упоминанием вскользь и не по основной теме соответствующей работы. Показательны в этом отношении работы Виталия Злыднева¹, Стояна Илиева²; статьи Николая Кравцова, Велчо Велчева, Евдокии Метевой в коллективной монографии, посвященной русской и болгарской литературе XX в.³ Насколько нам известно, более или менее исчерпывающие сведения о переводной (и в некоторой мере критической) рецепции Мережковского в Болгарии содержатся лишь в обзоре Ренаты Божанковой⁴. В этой работе, в силу ее жанра, автор ограничивается фактографическим очерком, а классификация материала проводится по жанровому признаку; косвенно указывается на исторические пики интереса к Мережковскому в Болгарии как представителю русского символизма.

Я попытаюсь выйти за рамки жанрологического подхода, учесть многомерность личности Мережковского и его текстуальной продукции, их выход за границы «писателя» и «литературы» в обычном значении этих слов, ответить на вопрос: в каком качестве был востребован Мережковский? Обозначились следующие амплуа Мережковского: писатель-модернист; живой классик-беллетрист; христианский писатель; истолкователь русской классической литературы; политический радикал; классик (знаток европейской классической традиции и гуманист). Затем я попытаюсь показать, кем был Мережковский востребован – не только в смысле имен персон, но в смысле позиций этих персон в рамках литературного и, шире, культурного поля: авангардом, «освященным авангардом» (в смысле Пьера Бурдьё), популярными литераторами, маргиналами? Наконец, я коснусь вопроса о динамике *синхронности* – *асинхронности* между фактами болгарской рецепции Мережковского и фактами его творческой биографии.

Предлагаемая общая картина страдает незаконченностью во многих отношениях. Так, пока возможна лишь приблизительная и ненадежная периодизация: первый сдвиг происходит на протяжении 1910-х гг. (из декадента Мережковский превращается если не в классика, то хотя бы в широко признанного авторитета); второй – в середине 1940-х (рецепция должна оборваться или уйти в подполье); третий – в 1970-е (налицо свидетельства возобновившейся либо вышедшей на поверхность рецепции). Большинство переводчиков пока нам неизвестны – т.е. известны лишь имена, псевдонимы и криптонимы. Установление фактов имплицитной рецепции представляется пока непосильным; но в ходе своего изложения буду указывать на доступные мне косвенные и прямые свидетельства таковой.

Акцент в моей работе будет поставлен на первой половине XX в. (до 1944 г.).

1. Итак, во-первых: что из Мережковского переведено на болгарский *и опубликовано*? «Вечные спутники»; «Христос и Антихрист» (за исключением «Петра и Алексея»); «Смерть Павла Первого» (курсив мой – Й. Л.); «Мессия»; четыре произведения из цикла «Итальянские новеллы» («Рыцарь за прялкой», «Наука любви», «Любовь сильнее смерти», «Микель-Анджело»), рассказ с итальянским хронотопом «Ангел смерти»⁵; не менее шестнадцати стихотворений; «Кто был Иисус Христос» (сокращенный перевод некоторых глав «Иисуса Неизвестного»); несколько религиозно-публицистических статей; эссе «Бегство из Египта»,

¹ Злыднев, Виталий. Русско-болгарские литературные связи XX века. Москва: Наука, 1964.

² Илиев, Стоян. Русский символизм и поэзия П.К. Яворова // Русско-болгарские фольклорные и литературные связи. Отв. ред. Василий Базанов. Ленинград: Наука, 1977. Т. 2, с. 116-140.

³ Русская и болгарская литература XX века (Типология и связи). Отв. ред. Зоя Карцева. Москва: Изд-во МГУ, 1982.

⁴ Божанкова, Рената. Руски модернизиъм // Преводна рецепция на европейските литератури в България. Т. 2. Руска литература / Съст. Илиана Вladoва, Евдокия Метева, Любен Любенов. София: АИ Проф. Марин Дринов, 2001, с. 248-262; с. 249-250.

⁵ Такое заглавие на обложке; на с. 3 – только «Ангел»; это, вероятно, рассказ «Ангел», опубликованный в приложении к № 1 журнала «Живописное обозрение» за 1899 г. (см. Хронологический указатель произведений Д.С. Мережковского // Мережковский, Дмитрий. Полное собрание сочинений в 24 тт. Москва: Сытин, 1914, т. XXIV, с. 120-139; с. 128).

будущая глава книги «Тайна трех». Что не отмечено в обзоре Божанковой? Экзерпция из «Иисуса Неизвестного»⁶, перевод «Рыцаря за прялкой»⁷, восьми стихотворений⁸, статьи «О воскресении»⁹, а также перевод очерка «Марк Аврелий»¹⁰, предшествовавший переводу вобравшей его книги «Вечные спутники» и выполненный другим переводчиком; см. и ниже, §§ 4.10 и 5.2¹¹.

2. Какие литературоведческие или гуманитарно-научные работы о Мережковском имеются на болгарском? Первая во времени – это, хотя и с оговорками, статья 1896 г. академического литературоведа, профессора Ивана Шишманова, озаглавленная «Один новый русский критик»¹²; статья посвящена только что вышедшей книге Акима Вольнского «Русские критики», но в ней уделяется место и Мережковскому как «наиболее талантливому представителю восьмидесятников» и даются выдержки из двух его работ: из брошюры «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы»¹³ и из предисловия к роману «Дафнис и Хлоя» Лонга¹⁴. Затем – библиографическая заметка Стилияна Чилингирова в составленной им же антологии «Славянские поэты»¹⁵. Далее, это библиографическая заметка 1931 г. по поводу 50-летия литературной деятельности писателя в еженедельной литературной газете «Литературен глас» («Литературный голос», 1928–1944) (редактируемой *левым* театральным и литературным критиком Димитром Митовым)¹⁶. Далее имя Мережковского мелькает, начиная с 70-х, в работах историка болгарского символизма

⁶ Мережковски, Дмитрий. Кой бе Исус Христос. София: [Типогр.] С. М. Стайков, 1934.

⁷ Мережковски, Дмитрий. Унижен рицар. Новела от XV в. / Прев. Немо // Прогрес IV (1895–1896), № 32, с. 238–240 и № 39, с. 290–293. Источник: ЦДА, ф. 108 [Стилиян Чилингиров], оп. 2, ед. хр. 742, л. 2.

⁸ Мережковски, Дмитрий. Признание [«Не утешай, оставь мою печаль...»] // Българка III (1898), № 10–12, с. 165–166 [переводчик не указан]; Он же. На Тарпейската скала / прев. Вл. поп Атанасов // Славянска антология / Съст. Стилиян Чилингиров. София: [Изд. составителя], 1910, с. 117–118; Он же. Титани: Върху мраморите на Пергамския жертвеник / Прев. Людмил Стоянов // Знание I (1912), № 8, с. 584–585; Он же. Природата ми рече [«Природа говорит мне с царственным презреньем...»] / Прев. С. Дринов [Стилиян Чилингиров] // Знание II (1913), № 2, с. 182–183; Он же. Микел Анджело / Прев. Людмил Стоянов // Хиперион I (1922), № 4–5, с. 271–274; Он же. «Ако рози тихо лист разсипват и...» [«Если розы тихо осыпаются...»] / Прев. К. Ковачева. // Наша струя II (1935), № 8, с. 155. Он же. «Тъмнее. Вечер. В чуждий град...» [Одиночество в любви] // Руски поети. / Прев. [предисл. и сост.] Крум Йорданов. София: [без изд.], 1938, с. 16; Он же. «Що можеш ти?» [«Что ты можешь? В безумной борьбе...»] // Там же, с. 17. – Источник расшифровки псевдонима «С. Дринов»: ЦДА, ф. 108 [Стилиян Чилингиров], оп. 2, ед. хр. 742, л. 17.

⁹ Мережковски, Дмитрий. За въкресението / [Без пер.] // Духовна пробуда III (1908–1909), № 7–8 (5.IV.1909), с. 6–7.

¹⁰ Мережковски, Дмитрий. Марк Аврелий / Прев. Р. // Мисъл I (1892), № 9–10 (июнь), с. 635–649.

¹¹ Полные ссылки к переводам, указанные Божанковой, буду приводить лишь в порядке исключения.

¹² Шишманов, Иван. Един нов руски критик // Български преглед, III (1896), № 3, с. 104–116. Здесь и ниже заглавия приводимых болгароязычных работ даю в дословном переводе.

¹³ Двухстрочная характеристика Мережковским Вольнского; переведена на болгарский.

¹⁴ Характеристика представителей его, Мережковского, писательской формации, декадентско-символистской, в десять строк; цитируется в оригинале.

¹⁵ По причине ее краткости привожу полностью (*перевод здесь и всюду в настоящей статье, где не оговорено, мой*; здесь и дальше при цитировании прозы пользуюсь знаком « / » для обозначения новой строки): «Дмитрий Мережковский – один из представителей религиозно-мистического направления в русской литературе. Он создал себе имя преимущественно как философ, романист, переводчик греческих трагедий и критик. / Он весьма влиял на нашу более молодую генерацию поэтов и критиков. Как лирик, он имеет место в нашей литературе несколькими фрагментами/произведениями [букв. – „кусками“; Й. Л.]» (Чилингиров, Стилиян. Бележки за авторите // Славянска антология / Съст. Ст. Чилингиров. София: [изд.авт.], 1910, с. 165–172; с. 168). В антологии включено по одному стихотворению около восьмидесяти славянских поэтов, около половины – русских (из декадентов и символистов: Бальмонт, Брюсов, Сологуб, Фофанов). Заметка о Мережковском в 2–3 раза короче заметки о Николае Минском. Согласно заметке о Надсоне, Надсон наиболее переводимый в Болгарии русский поэт.

¹⁶ Цитирую полностью: «Димитрию Сергевичу Мережковскому, одному из самых первостепенных и интересных современных русских писателей, исполнилось пятьдесят лет литературной деятельности. / Как многие другие известные писатели, Мережковский начинал со стихов. Свое первое стихотворение он написал пятнадцатилетним гимназистом и прочитал его Достоевскому, кто сказал молодому поэту, [здесь столбик текст прерывается портретом Мережковского. – Й. Л.] что [„нет поэзии без великого и болезненного духовного горения“] [Избегаю обратный перевод: „Чтоб хорошо писать – страдать надо, страдать“]. – Й. Л.] Тогда автор „Преступления и наказания“ приближался к концу своей жизни. / Первый сборник стихов Мережковский выпустил в 1881 г., но сам он считает началом своей литературной деятельности 1883 г. / Нельзя отречь ни таланта, ни интеллигентности, ни больших познаний Мережковского. Он один из самых образованных литераторов. Лекций, которых он читал, много; он целая энциклопедия. Но за этими знаниями скрывается и большой писательский талант. В его „Наполеоне“ есть страницы, написанные с большой силой. Жив образ великого корсиканца» ([Б.п.]. Петдесетгодишната книжовна дейност на Мережковски // Литературен глас, № 121 (20.IX.1931), с. 5). – Оглавление номера содержит отсылку к заметке: «Пятидесятилетие большого русского писателя».

Стояна Илиева. В начале 90-х литературовед Пламен Панайотов опубликовал статью «Художник как критик: трилогия „Христос и Антихрист” Д. Мережковского»¹⁷. Философ Исаак Паси посвятил Мережковскому эссе в рамках своей книги «Мыслители и мысли»¹⁸, комментируя «Л. Толстого и Достоевского», «Вечных спутников» и «Две тайны русской поэзии» и в стиле Мережковского же обобщая чужие наблюдения о нем. Паси рад таким возвращениям, как возвращение Мережковского, и почти объявляет его своим вечным спутником. Радка Кърпачева включает отрывки из книг «М. Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества» и «Л. Толстой и Достоевский» в антологию «Серебряный век русской литературной критики»¹⁹. К анализу творчества Мережковского приступает неоднократно философ Нина Димитрова – главным образом в своих книгах 1990-х гг. – «Достоевский и русский религиозно-философский ренессанс», «Утопия и эсхатология в русском Серебряном веке», «Гностические мотивы в русском Серебряном веке»²⁰.

3. Первым произведением Мережковского, опубликованным на болгарском языке, был, видимо, очерк «Марк Аврелий», вошедший в состав «Вечных спутников». Очерк опубликован в болгарском журнале «Мисъл» («Мысль») в июньском номере за 1892 г., спустя лишь полгода после его первой русской публикации (в 21-ом номере журнала «Труд» за 1891 г.)²¹.

Первое произведение, опубликованное как отдельная книга, – это драма «Смерть Павла Первого», в 1917 г., по берлинскому изданию Ладышников 1908 г.²².

К данному ряду следует подключить издание отдельной книгой произведения, вышедшего не из-под пера Мережковского, но Мережковским переведенное и воспринимающееся как им же адаптированное: «Дафнис и Хлоя» Лонгуса, «согласно русской редакции Мережковского», и в переводе «Кармен» (псевдоним) выходит в 1913 г.

3. 1. «Мысль» – журнал протомодернистской либо раннемодернистской формации, выходящий с 1892 по 1907 г., по своему энциклопедическому охвату близок к российским «толстым журналам». Приблизительный российский аналог этого журнала – «Северный вестник» декадентско-модернистской поры. Его основателем, главным редактором и идеологом выступал Кръстьо Кръстев²³: эстетик, педагог и литературный критик с немецким докторатом по философии. Главными авторами (как с точки зрения современников, так и с точки зрения истории литературы) являлись Пенчо Славейков, Петко Тодоров, Кирил Христов, Пею Яворов – протагонисты неоклассицистическо-неоромантического синтеза²⁴, декаденты, символисты до самопровозглашенного символизма²⁵.

Перевод очерка «Марк Аврелий»²⁶ включенный в раздел «Популярно-научные статьи», в рамках журнального номера был расположен сразу после «Икаромениппа» Лукиана

¹⁷ Летописи, 1992, № 1, с. 124-137; вторая публикация в: Панайотов, Пламен. Руски религиозни мислители. София: Летописи, 1994.

¹⁸ Паси, Исаак. Мыслители и мысли. София: Христо Ботев, 1995.

¹⁹ Сребърен век на руската литературна критика: Размисли за руската красическа литература / Съст. Радка Кърпачева. Велико Търново: УИ Св. св. Кирил и Методий, 1994, с. 25-66 и 67-89. Переводчици, соответственно, Надка Ангелова и Р. Кърпачева. – В книгу включены по одному эссе Вл. Соловьева и Б. Вышеславцева, фрагменты работ В. Розанова и Н. Бердяева. – Фрагменты из Мережковского включает в свой компендиум литературоведческих работ о русской литературе «Руска литературна класика» (в 4 тт., 1994-1998) и Петко Троев.

²⁰ Димитрова, Нина. Достоевски и руският религиозно-философско ренесанс. София: УИ Св. Климент Охридски, 1994; Она же. Утопия и эсхатология в руския Сребърен век. София: Кронос, 1995; Она же. Гностични мотиви в руския Сребърен век. София: ЛИК, 1998.

²¹ Андрущенко, Елена. Властелин чужого: текстология и проблемы поэтики Д.С. Мережковского. Москва: Водолей, 2012, с. 17. – Номер 21-ый приходится на первую половину ноября.

²² Мережковски, Дмитрий. Смъртта на Павла I / Прев. В. Юрданов // София: приложение на сп. Седмичен преглед, 1917; Мережковский, Дмитрий. Смерть Павла I. Берлин: Ladyschnikow, 1908.

²³ Наиболее адекватная передача на русский: Крысте Крыстев. Во избежание споров и из принципиальных соображений переводить имена персон дальше не буду.

²⁴ Ср.: Тиханов, Галин. Жанровото съзнание на кръга «Мисъл»: Към културната биография на българския модернизъм. София: Кирил Маринов, 1998, с. 171-246.

²⁵ «Символизм» как самоназвание появляется в болгарской литературе поздно, в 1900-ые гг., а его первыми нехудожественными манифестами следует, наверное, считать статьи Ивана Андрейчина «Из нов път», 1907 г. (с некоторыми оговорками), и Ивана Радославова «Бодлер или Тургенев», 1912 г. (подробнее см.: Атанасова, Цветанка. Художникът като критик. Подстъпи към идеологията на българския модернизъм // Критическото наследство на българския модернизъм. Ч. 4. Съст. Едвин Сугарев, Елка Димитрова, Цветанка Атанасова. София: Институт за литература, 2011, с. 7-48; с. 23-24, 15, 44-45).

²⁶ Пока не удастся установить личность переводчика «Р.».

Самосатского в переводе с древнегреческого. Если не ошибаюсь, за шестнадцать лет существования журнала других переводов из Мережковского там не помещалось. Индивидуализм, синтез научной рациональности и художественного волюнтаризма, демонстрация актуальности античности – вот, по-моему, особенности очерка «Марк Аврелий», которые предопределили интерес редакции журнала к нему. И, конечно, возможность ввести историко-культурный контекст создания «Икаромениппа»: Марк Аврелий и Лукиан современники. В горизонте журнального номера проводимая в очерке параллель между поздней античностью и поздним XIX-м в. остается непрокомментированной. Дальше переводы из Мережковского могли оказаться невостребованным по двум причинам: во-первых, его произведения читались в Болгарии, должно быть, в оригинале; во-вторых, переводы с немецкого и французского могли считаться либо считались более необходимыми. Прямая, а не через русское посредничество, модернизация болгарской эстетической культуры считалась предпочтительнее²⁷.

3. 2. «Смерть Павла Первого» выходила в качестве приложения к журналу «Седмичен преглед» («Недельное обозрение») с начала июня по конец августа 1917 г.; осенью она вышла отдельным изданием²⁸. В первом, от 7 июня, номере журнала содержится статья «Русская революция: I. Ее причины»²⁹. В статье отмечается, что события *марта* 1917-го были для мира так неожиданными, что сначала казались комедией; что революция произошла благодаря долгой и упорной работе русской интеллигенции, в т.ч. русских писателей (Гоголя, Тургенева, Белинского, Некрасова, Достоевского, Чернышевского, Писарева, Толстого «и многих других»); что революционная роль русских писателей уже предугадывалась Эжен-Мельхиором де Вогюе в его книге «Le roman russe» («Русский роман»). Переводчик «Смерти Павла Первого» – Васил Юрданов, известный переводчик русских классических романов. И он, и автор статьи о февральской революции, Велчо Велчев, – члены редакционной коллегии журнала. Произведение Мережковского вводится в круг внимания болгарского читателя как средство к познанию прошлого и настоящего России, а также как образец инструмента радикализации российского общества. Следующим шагом в познании России через ее художественные образцы должен был послужить полный перевод романа Гончарова «Обломов»; «„обломовщину“ с правом можно назвать типом „русско-национальным“», отмечается в рекламном объявлении от 5 ноября 1917 г. К концу декабря журнал прекращает свое существование, и «полный перевод» «Обломова» выходит только отдельной книгой, притом в 1919 г. По какой-то причине журнал не успевает также отразить октябрьский переворот.

²⁷ Это, видимо, выразилось в отмечаемой исследователями переориентации с русской на немецкую культуру в 1890-ые гг. (см. Lauer, Reinhardt. Zur Frage der Fremdorientierung in der Bulgarischen Literatur // Kulturelle Traditionen in Bulgarien / Hrsg. von R. Lauer und Peter Schreiner. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1989, с. 263-280; 278-279; Тиханов, Галин. Жанровото съзнание на кръга «Мисъл»: Към културната биография на българския модернизъм. София: Кирил Маринов, 1998, 187-196 и сл.), что, однако, не исключало сохранения двойной, русско-немецкой, ориентации у представителей раннемодернистской формации. При этом они ориентировались скорее на писателей прошлого (как русских – Достоевского, Тургенева, так и нерусских: см. ниже), нежели на иностранных современников той же, раннемодернистской, формации. Показателен отрывок из письма раннего модерниста Петко Тодорова к (оказывается, третьестепенному) поэту следующей формации или субформации Ивану Кирилову: «Советую тебе оставить русских декадентов, [таких] как Минский, Гиппиус, Мережковский, Соллогуб, Бальмонт и tutti quanti [так! – Й. Л.], так как они скорее всего навредят тебе, нежели смогут в чем-нибудь быть полезными. Возьми лучше Мопасана и Налéву [вероятно, имеется в виду Людовик Галеви. – Й. Л.] и разложи [трудно понять смысл слова в оригинале; могло означать: „сделай разбор и попытайся написать подражание“. – Й. Л.] какой-нибудь из их рассказов» (ЩДА, ф. 108к [Стилиян Чилингиров], оп. 2, ед. хр. 742, л. 4). Последовательный отход, в рамках последующей эстетической формации, от ориентации на русские образцы (как настоящего, так и прошлого) печатно декларирован и обоснован Иваном Андрейчиным (указ. статья 1907 г. «Из нов път», см. републикацию в: Критического наследство на българския модернизъм. Ч. 1. / Съст. Едвин Сугарев, Елка Димитрова, Цветанка Атанасова, София: Институт за литература, 2009, 122-131; с. 123, 126; Эл. версия: http://bgmodernism.com/files/books/Krit_nasledstvo_t.1.pdf. 30.05.2016) и Иваном Радославовым, идеологом болгарского самопровозглашенного символизма 1910-х – 1920-х гг.

²⁸ На с. [3] обозначено, что пьеса – часть трилогии «Царството на звяра», первая часть которой – «Павел I» [!], а последняя – «Николай I (Декемвристите)» («Николай I (Декабристы)»), а не «14 декабря». Т.е. болгарский переводчик отходит и от издания Ладышникова.

²⁹ Велчев, Велчо. Руската революция: I. Причините ѝ // Седмичен преглед I (1917), № 1 (7.VII.1917), с. 5-6.

3. 3. «Дафнис и Хлоя», «древнегреческая повесть о любви пастуха и пастушки на острове Лесбосе», «согласно русской редакции Д. Мережковского»³⁰, и в переводе, очевидно, с русского выходит два раза: в 1913-м³¹ и в 18-м гг. Болгарский текст повести снабжен послесловием, согласно примечанию болгарского переводчика, это выдержки «Из предисловия Мережковского: „О символизме „Дафниса и Хлоя“». Болгарский переводчик выбирает те несколько начальных абзацев, которые посвящены размышлениям о времени создания «Дафниса и Хлоя», и обрывает свой перевод в середине пятого абзаца: «Быть может, один из этих эллинистов, окружавших Юлиана, один из этих утонченных и одиноких мечтателей, безнадежно влюбленных даже не в бездыханное тело, а только в прекрасную тень умершей Эллады, создал нежное, грустное видение пастушеской любви Дафниса и Хлоя – двух невинных детей, покинутых в уютном солнечном уголке блаженного Лесбоса...» (в переводе следует многоточие)³². Из того эксплицитного двуединства «наивного» и «сентиментального», которое представляет собой повесть Лонгуса «в редакции» Мережковского, болгарский переводчик почти устранил элемент «сентиментальный», оставив его на грани (не)видимости. Я имею в виду не только оставление «за кадром» размышлений о ренессансах и о сходстве положения декаденто-символистов с положением ‘последних-эллинов-и-первых эллинистов’, но и заглавие: у Мережковского за заглавием следует просто «повесть Лонгуса», у болгарского переводчика – «древнегреческая повесть». Стратегии минимализации «сентиментального» соответствует и смещение комментирующего текста Мережковского с позиции предисловия к послесловию. Мережковский востребован как популяризатор античности, а не как декадентско-символистский писатель (и не как и то и другое вместе).

4. Каковы основные *амплуа* Мережковского, согласно его болгарским переводам?

4. 1. Мережковский – неоклассицист или эллинист. Эта роль отводится ему с самого начала (1892 г.), он с успехом выполняет ее в 1910-е гг. и в начале 20-х (два издания «Дафниса и Хлоя», первое издание «Вечных спутников»), и его возвращают к ней в начале 1990-х («Вечные спутники» в новом переводе).

4. 2. Мережковский – современный беллетрист. В 1896 г. в провинциальном журнале «Прогресс» выходит итальянская новелла Мережковского «Рыцарь за прялкой» (под заглавием «Униженный рыцарь»). В 1918 г. отдельной книжкой и в провинциальном издательстве выходит рассказ «Ангел смерти». В 1925 г. – две из его «итальянских новелл» («Наука любви» и «Любовь сильнее смерти»), в 1928 г. – «итальянская повесть» «Микель Анджели»; обе книжки – в столичных издательствах. Все перечисленные «явления» Мережковского-беллетриста – в изданиях карманного формата и в рамках издательских серий: «Новая всемирная библиотека»³³, «Библиотека „Рассказы“»³⁴, «Библиотека для всех»^{35 36}.

В межвоенный период в болгарской литературе процветает жанр исторического романа³⁷, но к данному моменту я не в состоянии оценить востребованность Мережковского в этом процессе³⁸.

³⁰ Лонгус. Дафнис и Хлоя / Превела Кармен. 2-ро изд. София: Хемус, 1918 (Серия Универсална библиотека Хемус, № 11), с. [1].

³¹ Лонгус. Дафнис и Хлоя: Любовна идилия. София: Знание, [1913].

³² Лонгус. Дафнис и Хлоя, 1918, с. 127-130.

³³ В компании Казимира Тетмайера, Метерлинка, Пшибышевского, Евгении Марлитт (наст. фамилия Йон), «Вторая жена», Куприна, но и проф. Жиринцева, «О половом оздоровлении», Августа Бебеля, «Основы социалистического общества».

³⁴ В компании Гамсуна («Красота, любовь и истина»), Мопассана («Лунный свет»), Чехова («Дама с собачкой»)...

³⁵ В совершенно разношерстной компании: Лермонтова («Герой нашего времени»), Христо Бръзицова (Бръзицова) («Юмористическая история болгар»), Шестова («Генрик Ибсен»; возможно, это книга «Победы и поражения (Жизнь и творчество Генриха Ибсена)»), Гете («Герман и Доротея»), и т.д.

³⁶ Интерес к эмигрантской прозе Мережковского во время ее выхода в свет засвидетельствован фактом перевода и публикации романа «Мессия» и, согласно позднему архивному свидетельству, «Наполеона» (см. Приложение), а также лапидарными сообщениями в литературной периодике (как, например, анонимная заметка о выходе эмигрантского журнала «Встречи», в которой отмечено, что там публикуются такие выдающиеся писатели, как «Адамович, Оцуп, Мережковский, Ю. Фельзен, Мандельштам, З. Гиппиус, В. Вейдле и др.», и что в первом номере опубликован «чрезвычайно интересный этюд Мережковского об *Антисемитизме и христианстве*») (Литературен глас, № 235 (20.V.1934), с. 4; вместо курсива в источнике разрядка).

³⁷ Георгиева-Тенева, Огняна. Литература и исторически мит. София: Гражданско дружество Критика, 2002.

³⁸ Роман «Наполеон» оценивается высоко (ср. выше, примеч. 16) не раз: здесь привожу первую часть заметки, примечательной в разных отношениях, буквально; вторую, после знака тире, – в дословном переводе: «D.

Иной характер имеет его включение в поле болгарской литературы в начале 1990-х, изданием болгарского перевода романной трилогии «Христос и Антихрист»: это уже не столько современная беллетристика, сколько возвращение запрещенного писателя и очередной опыт привить болгарским читателю, писателю и критику интерес к религиозной проблематике. Последнее предположение покоится на сознании, а точнее, на болгарском автостереотипе о безрелигиозности либо слабой религиозности болгарской литературной культуры, по крайней мере ее основного русла.

Но у того же исторического рубежа литературовед Пламен Панайотов, в статье «Художник как критик», объявляет трилогию «Христос и Антихрист» лучшим произведением Мережковского, рассматривая ценность его поэтики, главным образом интерференцию инстанций писателя и литературоведа, в свете поисков XX в. и постмодернизма.

4. 3. Мережковский – путеводитель по русской классической литературе. Это, пожалуй, самое устойчивое амплуа писателя в Болгарии. К 1999 г., при подготовке к 200-летию Пушкина двуязычного «Избранного» пушкинских стихотворений и поэм, поэту Георгию Рупчеву приходится снабдить издание... очерком Мережковского из «Вечных спутников». «В работе над настоящим изданием я перерыл и перепрочитал целый ворох словесности. Я сильно надеялся, что кто-нибудь из болгарских классиков смог написать что-нибудь могучее и точное о шедевре „Пушкин“. <...> я искал что-то такое, что может оставить впечатление у сегодняшнего нового читателя, сегодняшнего молодого человека. Я хотел показать ему Пушкина таким, каким он был – маленьким, подвижным, умным, естественным и большим. Не классиком из черного мрамора, не памятником <...> не погибшим активным борцом против самовластия. / Все это я нашел в волшебном эссе Мережковского, которое предлагаю здесь в качестве послесловия, хотя и в сильно сокращенном виде»³⁹.

В 1910-е–1920-е гг. аналогичное место имплицитно отводил ему поэт-символист Людмил Стоянов (см. ниже).

Пафос и иллюзия *приобщения к классической традиции* (что бы каждое из этих трех слов ни значило), а не просто к русской «классической» литературе, делало «Вечных спутников» особенно привлекательными для всех, кроме приверженцев приобщения к западной традиции прямым путем (без русского посредничества) и представителей левого постсимволизма. Симптомами, пусть и разрозненными, данной рецептивной «приязни» суть факты: выход в 1922 г. в Софии брошюры Георгия Флоровского «Достоевский и Европа» (перевод с рукописи), в которой из-под пера якобы все еще «евразийского» Флоровского проступает европоцентристская идеология и даже фразеология Мережковского из «Вечных спутников», притом с расставлением некоторых точек над «i»⁴⁰; озаглаживание «библиотеки», т.е. серии книг, курируемой левым Димитром Митовым (редактор вышеуказанной газеты «Литературен глас»), заглавием «Вечни спътници»⁴¹. Отсвет «тоски по мировой культуре» виден и в факте издания нового перевода русского прообраза ауэрбаховского «Мимесиса» в начале 1990-х; конечно, радость нового обретения классика символизма накладывалась на Чаадаевский комплекс ненаходимости на столбовой дорожке мировой истории и сочеталась с недоосознанным желанием легитимировать поворот на Запад русским авторитетом.

Авторитет Мережковского привлекается (или значимо не привлекается) в свидетели при юбилеях таких писателей, как Достоевский, Толстой (эта тема требует отдельного

Mereschkowskij: Napoleon. Sein Leben. (Димитър Мережковски: Наполеон. Неговият живот). Leipzig, 1929 г. Verlag Grethlein стр. 533. – Эта книга одна из лучших книг, написанных о Наполеоне. Переведена на немецкий знакомым библиотекарем и переводчиком Arthur Luther. Она рассматривает Наполеоновские жизнь и личность с глубоким пониманием. Наполеон выступает перед нами во всей своей гениальности титаническим маршем, с его стремлением затеряться в глубинах пространства, всегда великий, всегда вдохновленный, как в Париже, так и в африканских пустынях или бесконечной России. Книга читается как роман, и в самом деле это не какая-нибудь научная или историческая монография, а художественное прозрение гениального человека [! – Й. Л.]. Всякий, кто захотел бы ознакомиться с судьбой и делом самого крупного полководца, бывшего и в поражении озаренным неким сиянием, не должен оставлять эту книгу без внимания» (Листопад X (1929), № 4 (апр.), с. 107). Это второй в ряду пяти отзывов (на немецкоязычные книги и французский журнал), в конце подпись «П.С.». В рамках того же номера – краткая обзорная статья об Иване Шмелеве, охватывающая и его эмигрантское творчество.

³⁹ От составителя // Пушкин, Александър. Избрано / Съст. Румен Леонидов. София: Факел, 1999, с. 5-6; с. 6.

⁴⁰ Люцканов, Йордан. Помислимостта на друг(ия): ранното евразийство и българските му съседи. София: АИ Марин Дринов, 2012, с. 88, 130-133 и 142-143.

⁴¹ [Рекламное объявление] // Литературен глас, № 50 (23.XI.1929), с. 4.

рассмотрения), – и не только при юбилеях, причем ссылки могут нести неожиданные на первый взгляд литературно-исторические оценки в адрес Мережковского (см. ниже, § 5.2).

Мережковский обладал некоторой значимостью и с точки зрения становящейся, в рамках славистики, болгарской академической русистики: библиография к лекционному курсу Бояна Пенева «Эпохи в развитии русской литературы» (начало 1915 г.) отсылает к двум книгам Мережковского⁴².

4. 4. Мережковский – поэт-декадент. Таким он был востребован немногими из болгарских символистов: Людмилом Стояновым, который перевел несколько его стихотворений (к двадцатым годам XX в.); и Димо Кьорчевым, который в одном из известнейших манифестов болгарского модернизма, «Тъгите ни» («Наши грусти», 1907), полностью приводит стихотворение Мережковского «Дети ночи», чтобы проиллюстрировать свое представление о *модерном* поэте, жреце новой красоты⁴³.

Может быть, я ошибаюсь, но в перечнях престижных имен, прилагаемых при характеристике того или иного первоклассного болгарского поэта-символиста, имени Мережковского не встретишь. Вот, например, что пишет символист Николай Райнов о символисте Теодоре Траянове в 1941 г., в своей книге «Вечное в нашей литературе»: «Теодор Траянов, как это явствует из его стихов, учился у многих иностранцев; в общем он высококультурен; на него оказывали влияние Шарль Бодлер, Константин Бальмонт, Феодор⁴⁴ Сологуб, Валерий Брюсов, Вячеслав Иванов, Стефан Георге, Райнер-Мария Рильке, Рихард Демель и другие»⁴⁵. А вот что пишет рецензент прото- или раннемодернистского журнала «Наш живот» («Наша жизнь») «Ге...» о третьеразрядном, с точки зрения литературной истории, поэте Минко Савове в 1902 г.: «Автор, за исключением последнего стихотворения, процитированного нами, для которого он черпал вдохновение от [б]айроновского „Корсара“, скрывает своих настоящих вдохновителей, но достаточно будет указать на всем нам доступных русских поэтов: Минского, Мережковского, Бальмонта; добавьте к этому невообразимый шум, поднятый в последнее время Максимом Горьким своими беспокойными „босяками“, и вы совершенно поймете появление таких стихов, как стихи М. Савова»⁴⁶.

Такой же третьеразрядный поэт, даже менее известный, чем Савов (Савов известен – под псевдонимом «Неволин»), Крум Йорданов, выпускает в 1938 (!) г. тоненькую книжку (32 с.) с переводами из русских лириков начала века (Блок, Белый, Брюсов, Мережковский, Гиппиус, Бунин, Бальмонт, Сологуб).⁴⁷ Ее следует считать первой антологией русской лирики «Серебряного века» на болгарском. Несмотря на не лишнее вкуса и даже изящества оформление, она была предназначена для широкого круга читателей. Озаглавлена она «Русские поэты» и является выпуском № 10 серии «Всемирная литература». В предисловии наибольшее внимание уделено Брюсову и Сологубу, в корпусе переводов – Бальмонту (шесть стихотворений). О Мережковском написано, что «он давно не пишет стихов и целиком поглощен древней и египетской историями [так в оригинале – Й. Л.], откуда он черпает материалы для своих романов»⁴⁸. Из Мережковского переведены «Одиночество в любви»⁴⁹ («Что ты можешь? В безумной борьбе...») и «Темнеет. В городе чужом...». Эта антология имплицитно помещает символистов (и Бунина) в символический промежуток между современностью и классикой, но ближе к классике. Стоит проанализировать ее возможную

⁴² НА БАН, ф. 37к [Боян Пенев], ед.хр. 1347 [«Эпохи в развитии на руската литература, конспект и библиография, София, 31.I.1915 г.»], л. 29. В библиографию о Гоголе внесено имя Мережковского (карандашом; кажется, в добавление к уже готовому списку); в библиографии о Достоевском указана работа Мережковского «Л. Толстой и Достоевский».

⁴³ Кьорчев, Димо. Тъгите ни // Южни цветя. Тримесечен литературен алманах. Август 1907, с. 61-111; с. 86-87.

⁴⁴ При возможности пользоваться на болгарском языке как формой «Фьодор» («Федор»), так и формой «Т/Феодор» («Феодор»), Райнов предпочел вторую возможность; при переводе сохраняю аналог выбранной им формы.

⁴⁵ Цит. по: Блуждаеща естетика. Българските символисти за символизма. Съст. и встъп. студия Стоян Илиев; бележки Иван Младенов. София: Издателство на БАН, 1992, с. 303.

⁴⁶ Ге... «Из родния кът», лирически песни от Ив. Арнаудов; «Вълните на живота», лирически стихотворения от М. Савов // Наш живот I (1902), № 7-8, с. 360-366; с. 366.

⁴⁷ Судя по справке в каталогах, Йорданов публиковался больше как переводчик, чем как автор. Среди переводов (1936) – работа эмигрантского журналиста Р. Словцова (псевд. Николая Викторовича Калишевича) «Лев Толстой».

⁴⁸ Йорданов, Крум. Предговор // Руски поети. Прев. Крум Йорданов. София: Всемирна литература, с. 3-4; с. 4.

⁴⁹ Без заглавия; это вписывается в поэтику сборника, в котором ни одно из 27 стихотворений не присутствует заглавием (в раздел «содержание» занесены первым стихом либо полустихом).

коррелятивность (в плане как интенций, так и рецепции) с «Антологией современной русской поэзии», вышедшей в том же 1938 г. (содержащей, между прочим, стихи Маяковского, Хлебникова, а также Белого и подготовленной будущим классиком пролетарской и соцреалистической поэзии Христо Радевским).

Самый ранний опубликованный перевод стихотворения Мережковского, насколько мне известно, вышел не из среды столичного символизма и его эпигонов. В 1898 г. в тоненьком провинциальном журнале «Болгарка», посвященном культивированию (умеренной) культурной, психологической и социальной активности лиц болгарской национальности женского пола,⁵⁰ помещен перевод «Признания» («Не утешай, оставь мою печаль...»).

До середины XX в. было опубликовано не меньше десяти стихотворных произведений Мережковского в болгарском переводе⁵¹. Не меньше шести стихотворений переведено во второй половине XX в. (к 1983 г.); они входят в состав «Антологии классической русской поэзии»⁵² (курсив мой – Й. Л.). Прием литературной политики (не напрашивающееся восстановление в правах запрещенного автора) *согласуется* с одной из (политически немотивированных) тенденций в болгарской рецепции Мережковского (в особенности его лирики) – как автора не модернистского, но классического.

4. 5. Мережковский – религиозный воспитатель. В первой декаде XX в. было переведено несколько стихотворений и несколько статей Мережковского, в которых он выступает как христианин и религиозный реформатор. С тех же позиций во второй половине 20-х востребовано его романное творчество и, в результате, переведен и издан его роман «Мессия». Учительная релевантность творчества Мережковского востребована и с позиций, сочувствующих антропософии и оккультизму: в 1925 г. в журнале «Орфей», редактируемом Николаем Райновым⁵³, опубликован отрывок из романа «Юлиан Отступник» (беседа Юлиана с Ямвлихом).

4. 6. и 4. 7. О Мережковском-романисте и Мережковском-социальном реформаторе, радикалисте и пророке уже шла речь. (См. и ниже: § 5.1. и Приложение).

4. 8. Мережковский как теоретик модернизма. Как таковой он присутствует в рецензии 1910 г. на книгу Петра Когана «Мистики и богоискатели» (автор рецензии – Антон Страшимиров⁵⁴, место – журнал «Наблюдатель», продолжение уже упомянутого «Наша жизнь»). Страшимиров сочувственно ссылается на констатацию Когана, что Мережковский-критик приписывает рассматриваемым им писателям мировоззрение их героев⁵⁵.

4. 9. Мережковский – новатор в области литературной критики.

В 1921 г., в связи с выходом «Вечных спутников» в переводе на болгарский язык, рецензент (эстетически эклектического) журнала «Развигор» пишет: «Этот вид критики, проводимый Мережковским и в других его исследованиях, для нас почти совсем новый. И поэтому переводчик⁵⁶ заслуживает всякую похвалу за свой труд»⁵⁷.

⁵⁰ Большая часть материалов в журнале – переводы с французского, русского, английского языков; педагогика и художественные тексты.

⁵¹ Кроме указанных нами выше (примеч. 8), это отрывок из поэмы «Франциск Ассизский», которому дано собственное заглавие (а может, не дано? Первый стих: «В Божьем мире – людям места много»: Мережковский, Дмитрий. Всекому – своето [Каждому – свое] / [Пер.] Свещ. Ив. п[оп] Михайлов // Духовна пробуда III (1908–1909), № 10 (5.V.1909), с. 10), а также «Пророк Исая» («Пророк Исая»; переводчиком выбрана форма на «-я», одна из двух приемлемых в болгарском языке) (1910, в том же журнале).

⁵² Божанкова, Ренета. Руски модернизъм, с. 249.

⁵³ Среди болгарских символистов первого ряда Райнов – с наиболее широким кругом интересов в соседних с литературой областях, наиболее чуткий если не к религии, то к оккультизму; мастер ритмизированной прозы; историк пластических искусств (в т.ч. книжной миниатюры). Его соотносимость с фигурами Мережковского и Андрея Белого требует отдельного рассмотрения.

⁵⁴ Автор этнографических очерков и художественной прозы, сочетающей особенности реализма и модернизма; занимает прочное место в болгарском литературном каноне экспрессионистским романом, написанным к середине 1920-х.

⁵⁵ А. С. [Рец. на:] П. Коган, «Мистики и богоискатели» (Очерки по истории новейшей русской литературы, том III, вып. III), «Заря», Москва, 1911 // Наблюдател I (1910), № 8 (окт.), с. 563-564.

⁵⁶ [Боров, Годор]. Вечните спътници // Развигор, 1921, №43 (29 окт.), с. 4.

⁵⁷ Рассмотрение данного мнения в контексте болгарской рецепции русской историо- и культурфилософии см. в: Люцканов, Йордан. Помислимостта на друг(ия), с. 106-111.

В первой половине 1990-х философ Исак Паси⁵⁸ считает «Вечных спутников» лучшим произведением Мережковского. Такое предпочтение говорит не только о личных вкусах Паси⁵⁹.

4. 10. Мережковский выступает как философ истории, будучи востребован как мастер философской прозы в стиле Ницше переводом «Бегства в Египет»⁶⁰.

4. 11. Мережковский для домохозяйек: набор сентенций современного писателя, направленный на обогащение общей культуры современной женщины⁶¹.

5. Особую роль в переводной рецепции Мережковского в Болгарии первой трети XX в. сыграли две личности.

5. 1. Это, во-первых, болгарский литератор, журналист, педагог и богослов, магистр Казанской духовной академии (1898-1902), Дино Божков. В нулевых годах в редактируемом им журнале «Духовна пробуда» («Духовное пробуждение») Божков публикует статьи и беллетристику крамольного священника-реформатора Григория Петрова (регулярно), статьи Василия Розанова (часто), стихи и статьи Мережковского (иногда). В 1927 г. он вступает в переписку с Мережковским⁶², в результате которой на болгарский язык переведен и издан роман «Мессия», хотя были надежды на издание собрания сочинений. Божков – автор не менее двадцати статей о русских писателях, составитель двух хрестоматий по русской литературе. Он склонен рассматривать ее не как литературу, но как учительную словесность; особое внимание уделял не только Мережковскому, но и Николаю Лескову⁶³.

5. 2. Другой популяризатор Мережковского в Болгарии – это поэт-символист, ученик или эпигон Валерия Брюсова, а после 1944 г. директор Института литературы Болгарской АН – Людмил Стоянов. В периодической печати нами обнаружены два стихотворных текста Мережковского в переводе Стоянова («Титаны: На мраморах Пергамского жертвенника», 1912; «Микеланджело», 1922), но Стоянов мог переводить и другие стихотворения. В 1921 г. вышли два томика «Вечных спутников», содержащие очерки об античности и о западноевропейских авторах в его переводе; третий, содержащий очерки о русских писателях, так и не вышел (но рекламировался); Стоянов, видимо, вложил проделанный труд в другие предприятия. Так, к середине 30-х гг. выходит «Накануне» Тургенева в переводе Стоянова (не первое издание этого перевода) и... «с предисловием Мережковского»⁶⁴; на самом деле это был перевод очерка «Тургенев» из состава «Вечных спутников» 1914 г.⁶⁵ Первая публикация перевода этого очерка – в первом номере первого года издания журнала «Хиперион» (1922)⁶⁶ – органа самопровозглашенного символизма в фазисе самоканонизации (самоосвящения)⁶⁷. К

⁵⁸ Наиболее заметный профессиональный популяризатор русской религиозной философии в Болгарии 1980-х и 1990-х гг. Насколько в 80-х эта роль отведена ему властями, это отдельный вопрос.

⁵⁹ Поэтика его циклов эссе о философах и писателях (таких, как Мережковский) зависима от поэтики «Вечных спутников».

⁶⁰ Мережковский, Дмитрий. Бягството в Египет // Хиперион II (1923), № 6-7, с. 337-347. – Переводчик, «Stradivarius» (Людмил Стоянов, согласно Божанковой: Божанкова, Ренета. Руски модернизъм, с. 249), указан только в содержании в конце номера (поэтика переводческой подписи иная в случаях «Тургенева» и «Микел Анджело» в предыдущем томе журнала).

⁶¹ Мережковский, Дмитрий. Малки мисли / Прев. д-р С. К. // Вестник за жената XVIII (1938), № 754, с. 5.

⁶² См. Приложение к настоящей статье.

⁶³ Сведения о Божкове опираются на материалы из его личного дела, хранящегося в Центральном государственном архиве в Софии (ф. 1024к). Обзорение и анализ материалов этого архивного дела, имеющих отношение к рецепции русской литературы в Болгарии, я сделаю в отдельной статье.

⁶⁴ См.: Тургенев, Иван. В навечерието / Прев. Людмил Стоянов. София: Игнатова АД, б.г., с. [1].

⁶⁵ Мережковский, Дмитрий. Тургенев // Тургенев, Иван. В навечерието, с. 3-16.

⁶⁶ Мережковский, Дмитрий. Тургенев / Прев. Людмил Стоянов // Хиперион I (1922), № 1, с. 48-56. – Публикацию очерка «Тургенев», на фоне инициированной Радославовым в 1912 г. полемики по поводу сравнительной значимости Тургенева и Бодлера (см. выше), можно истолковать и как право соредатора, Стоянова, на относительно самостоятельную позицию, и как рывок (и персональный Стоянова, и канонизирующей себя формации) к диалектическому синтезу – «Тургенев сквозь призму сознания, усвоившего Бодлера» – устами Мережковского. Кстати: имя автора указано при заглавии, а переводчика – после перевода.

⁶⁷ Любая эстетическая (суб)формация, в т.ч. так называемый ранний модернизм и так называемый «самопровозглашенный» символизм, проходит разные фазисы социализации, главным из которых, наверное, является фазис освящения (консекрации), который в некоторых случаях имеет ярко выраженный характер самоосвящения. Свой опыт совместить традиционное литературно-историческое видение в терминах эстетических формаций с социологией литературного поля Пьера Бурдьё я развернул в другой работе («Блаженные спутники: монументальная уединенность, колебание, „классика” и „маньеризм” в ранних русском и болгарском модернизмах», в печати).

1930 г. в издательстве «Игнатов & синове»⁶⁸ выходит перевод романа Достоевского «Преступление наказание» с предисловием Мережковского, озаглавленным следующим образом: «Достоевски в „Престъпление и наказание“»; текст предисловия совпадает с текстом очерка «Достоевский» из «Вечных спутников».⁶⁹ В 1928 г. перевод «Идиота» был выпущен тем же издательством с предисловием того же автора под заглавием «Идиот: Из „Религията на Толстой и Достоевски“».⁷⁰ Переводчики предисловий не указаны.⁷¹

Очертить полный объем проделанной Стояновым работы трудно, так как уже в 30-ые гг. он занимает идеологические позиции, несовместимые с Мережковским, а в какой-то момент (вероятно, уже после 1944 г.) его личный архив подвергся старательному подчищению. Архив Людмила Стоянова в современном его состоянии отражает если не идеальную, то приемлемую для коммунистического функционера творческую биографию. Тем не менее, в нем сохранился беловик (машинопись) подготавливавшейся к изданию книги поэтических переводов Стоянова (орфография – дореформенная, т.е. конец работы над книгой предшествует 1945-му г.), в составе которой – перевод маленькой поэмы Мережковского «Микеланджело»⁷². Перевод опубликован в журнале «Хиперион» в 1922 г.⁷³

Увлекаясь демистификацией литературного и литературоведческого «самосотворения» Стоянова в 1930-е гг. и после 1944 г.⁷⁴, легко переоценить чуткость Стоянова и основательность / устойчивость его знания о Мережковском. Так, к 1927 г. Стоянов снабжает болгарское издание книги Леонида Гроссмана «Достоевский и Европа» предисловием «Русская идея и Запад», в котором Стоянов называет (Бердяева и) Мережковского «мыслителями, близкими к евразийству»⁷⁵. Я склонен видеть в данном сближении скорее небрежность, нежели пронизательность.

Отход от Мережковского, возможно, связан и с позицией Стоянова в литературном поле уже к началу 1920-х, т.е. до его «полевения», и с давлением на него за (наверняка справедливо приписываемое) нигилистическое отношение к предшествующей болгарской поэтической традиции (в т.ч. раннемодернистской). В 1921 г. умеренный (и далеко, оказывается, не первого ряда) символист Димитр Бабев сообщает читателям редактируемого им символистского журнала «Листопад» об анкете Корнея Чуковского о Некрасове. Бабев сочетает ссылки на ответы в этой анкете Ахматовой, Блока, З. Гиппиус, Городецкого, Гумилева, Мережковского с (видимо, собственной) ретроспекцией о рецепции Некрасова в 1890-е и 1900-е гг. (приводя высказывания Мережковского, Бальмонта, Брюсова, отсылая к поэтической практике Белого), чтобы прийти к полемическому сопоставлению: в отличие от русских модернистов и от «предтечи модернистов Мережковского», которые относятся с уважением к предшествующим

⁶⁸ Позже «Игнатов АД» (Акционерное общество Игнатов).

⁶⁹ Мережковски, Дмитрий. Достоевски в «Престъпление и наказание» // Достоевски, Фьодор. Престъпление и наказание / Пълен превод на Николай Теодоров-Фол. София: Игнатов и синове, [б.г.], с. 3-6.

⁷⁰ Мережковски, Дмитрий. Идиот: Из «Религията на Толстой и Достоевски» // Достоевски, Фьодор. Идиот / Пълен превод на Иван и Св. Камбурови. София: Игнатов и синове, [б.г.], с. 3-8.

⁷¹ Почти одновременно тем же издательством выпущен перевод «Братьев Карамазовых», выполненный другими переводчиками; они снабжают издание предисловием Юлия Айхенвальда. Судя по косвенным данным, такого рода плюрализм симптоматичен для существования, к 1920-ым гг., по меньшей мере двух разных программ рецепции русской литературы в Болгарии.

⁷² НА БАН, ф. 118с [Людмил Стоянов], оп. 1, ед.хр. 166, л. 1-180; л. 61-63. Проект книги начинается со стихотворения Пушкина «Рассудок и любовь» («Молодой Дафнис, гонимый за Доридой...») (там же, л. 1). – В избранных переводах Стоянова (Стоянов, Людмил. Избрани преводи / Предг. Петър Динев, съст. Анелия Санча Стоянова. София: Народна култура, 1986) об этом проекте книги не упоминается.

⁷³ Мережковски, Дмитрий. Микел Анджело / [Прев.] Людмил Стоянов // Хиперион I (1922), № 4-5, с. 271-274. – Имена автора и переводчика стоят рядом после текста; главенствует ренессансный гений.

⁷⁴ Стоит отметить увлеченность Стоянова лирикой Брюсова (эта увлеченность подверглась подробному разбору в жесткой и справедливой работе Бояна Пенева: Певев, Боян. За литературния плут // Златорог III (1922), № 2, с. 103-149), равно как и сходство политических путей этих писателей; в особенности на фоне 1) культуртрегерской озабоченности Стоянова произведениями Мережковского в 1910-ые – 1920-ые гг.; 2) отсутствия видимого интереса к Мережковскому со стороны представителя болгарского (раннего) модернизма (т.е. предсимволизма), который я считаю типологически наиболее близким к Мережковскому, – Пенчо Славейкова.

⁷⁵ «Евразийцы склонны признать советскую власть как наиболее пригодную к особым условиям русской жизни <...> Другие мыслители, близкие к евразийству, как Н. Бердяев, Мережковский, считают, что большевики делают дело антихриста, дело европейской механизированной, рационалистической „безбожной“ цивилизации; что советская власть противна русскому духу» (Стоянов, Людмил. Руската идея и Запад // Гросман, Леонид. Достоевски и Европа. София: Игнатов & Синове, [1927], с. 3-10; с. 9).

литературным поколениям, болгарские «литературные плуты» и «паразиты» известной группы крикливо хвалят друг друга и «кошунствуют» с великими болгарскими поэтами прошлого⁷⁶. Риторика радикального разрыва с формациями, предшествовавшими символизму, и с ориентацией на русские образцы, культивируемая главным идеологом болгарского самопровозглашенного символизма – Иваном Радославовым, ставила Стоянова в ситуацию выбора еще тогда, в начале 20-х гг.; своей авторитетностью и западничеством Мережковский годился в спутники, но умеренное отношение к прошлому оказывалось обузой⁷⁷.

5. 3. Третьим активным реципиентом Мережковского в Болгарии первой половины XX в., однако, в отличие от Божкова и Стоянова, *публично несостоявшимся*, можно считать Стилияна Чилингирова. С 1931 г. он ведет записную книжку, в которой отмечает факты рецепции Мережковского в Болгарии – переводы, высказывания о нем, заимствования из его работ вплоть до плагиата, а также свои собственные поступки, в том числе бытового порядка, имеющие отношение к творчеству Мережковского⁷⁸.

6. Рецепция творчества Мережковского характеризуется «полиритмией»: синхронность и асинхронность накладываются друг на друга. «Юлиана Отступника» переводят лишь к началу 1990-х гг., но уже в 1909 г. Дино Божков в предисловии к издаваемой им статье Мережковского «Борьба за догмат» дает такую характеристику автора: «галантливый, взыскующий проповедник нового религиозного откровения, талантливый и довольно / слишком популярный у нас романист и поэт Дмитрий Мережковский» (Духовна пробуда, III, 10, от 5 мая 1909)⁷⁹. Динамика (и типология) рецепции лирики не менее показательна:

- 1) при небольшом временном отстоянии и интенции:
 - а) культивации индивидуалистической чувствительности («Признание», 1883–1898⁸⁰);
 - б) демонстрации индивидуалистической чувствительности («Дети ночи», 1894–1907: год цитирования целиком при симптоматическом отказе от перевода);
 - в) нахождения своего (переводчика-поэта) места в литературном поле («Титаны», 1904 (1894)–1912);
- 2) при заметном временном отстоянии и интенции:
 - а) строить символистский канон переводной литературы («Микеланджело», 1892–1922);
 - б) продемонстрировать разнообразие классической и современной поэзии на славянских языках («На Тарпейской скале», 1884 (1888)⁸¹–1910);
- 3) при большом временном отстоянии и интенции:
 - а) показать свои умения переводчика и внести свой вклад в культивирование хорошего вкуса («Если розы тихо осыпаются...», 1883–1935);
 - б) дать образцы поэзии русских декадентов / символистов⁸² (в т.ч. Мережковского), которые могут претендовать на испытание временем («Одиночество в любви», 1892 (1893)–1938; «Что ты можешь? В безумной борьбе...», 1891–1938)⁸³.

⁷⁶ Бабев, Димитър. Некрасов и българския литературен плут // Листопад III (1921), № 7, с. 211–212.

⁷⁷ Трудности практического характера могли ускорить процесс отхода. Так, читателю со-издаваемого Стояновым журнала «Хиперион» (1924, № 12, задняя обложка) обещается, что, среди прочего, в 1925 г. он прочтет болгарский перевод работы Мережковского «Гильгамеш (Из „Тайной мудрости Востока“)", но ни в 1925-м, ни в последующие годы издания журнала (до конца его существования в 1931 г.) ни этот, ни какой бы то ни было другой текст Мережковского так и не появился.

⁷⁸ ЦДА, ф. 108к, оп. 2, ед.хр. 742, л. 1–26. В ряде случаев выше я пользовался этой записной книжкой как источником (проверив, однако, ссылки на печатные источники *de visu*). Однако она (равно как и другие документы в архивном деле Чилингирова) требует внимания в качестве самостоятельного объекта анализа.

⁷⁹ Косвенным свидетельством популярности – среди художественной и интеллектуальной элиты – Мережковского-романиста может послужить следующий факт: в 1900 г. в эстетически-эkleктическом журнале «Летописи» выходит стихотворение с эпиграфом из Пушкина («Душе противны вы, как гробы») и под псевдонимом «Джовани Белтрафио» (курсив мой – Й. Л.).

⁸⁰ Год публикации оригинала (год написания) – год публикации перевода. Ниже – аналогично.

⁸¹ Согласно комментарию Ксении Кумпан, его первая публикация – в сборнике Мережковского «Стихотворения» 1888 г. (Мережковский, Дмитрий. Стихотворения и поэмы / Вступ. статья, сост., подгот. текста и примеч. Ксения Кумпан. (Новая б-ка поэта). С.-Петербург: Академический проект, 2000, с. 802).

⁸² Заметим: образцы стихов поэтов-символистов, а не образцы символистской поэзии.

⁸³ Я учитываю возможность предшествующих публикаций переводов Крума Йорданова, включенных им в книжку 1938 г.

Если выбирать какую-то одну линию рецепции, то максимальное приближение к синхронности наблюдается к концу 1920-х гг. и, быть может, в 1890-е гг. и к 1915 г.

7. Эксплицитно-активные реципиенты Мережковского в Болгарии не принадлежат к ряду «первостепенных» представителей болгарской литературы. Но в свое время, а точнее, в 1910-х и начале 20-х гг., один из них, Людмил Стоянов, был одним из главных «героев» авангарда, все еще *неосвященного*, но энергично посягающего на самоосвящение⁸⁴, авангарда болгарского *самопровозглашенного* символизма. А на протяжении не менее сорока лет он был «Брюсовым» болгарского символизма. Другой из них даже не принадлежит литературе: он находится одновременно в соседних и в альтернативных литературе интеллектуальных полях – религиозной философии и *словесности*. Этот болгарский референт Мережковского выводит наружу потенциал последнего действовать разрушительно на поле литературы как автономной эстетической деятельности. Т.е. указывает на крипто-авангардизм (уже в смысле «исторического авангарда» Петера Бюргера⁸⁵) Мережковского, с точки зрения исторической поэтики литературы являющегося ранним модернистом.

Примечания:

НА БАН – Научен архив на Българската академия на науките (Научный архив Болгарской академии наук, София)

ЦДА – Централен държавен архив (Центральный государственный архив, София)

Приложение

(Мережковский – Дино Божкову, 1927 – 1931; Божков о Мережковском, 1959)

Публикуемые здесь документы: письмо общества «Друзья Дмитрия Мережковского» Дино Божкову; воззвание указанного общества; письма Дмитрия Мережковского Божкову; памятная записка адвоката Богдана Иерусалимова; памятная записка Божкова с заметками о Мережковском, – обнаружены мною в т.наз. «Литературной сборке» Научного архива Болгарской академии наук (НА БАН, Литературна сборка, ед.хр. 71, л. 1-16).

В настоящей публикации производится перестановка документов: следуя хронологии событий, я поместил письмо и воззвание общества «Друзья Дмитрия Мережковского» в начало.

Орфография имен нарицательных в русскоязычных текстах, а также всех падежных окончаний, дается по современным нормам орфографии. Сохранены некоторые особенности пунктуации, орфографии и графики (скупость при расставлении запятых, бездефисное / слитное написание наречий типа «по-русски» / «во-первых», способ написания дат, наличие / отсутствие абзацных отступов и повторяющиеся различия в их размере, вариативность в расположении подписи и в расположении и графике дат и мест написания). Попеременное использование пустых строк (от одной до четырех до обращения, одной после обращения и после основного текста письма) сохраняется, но унифицируется размер пробела (одна строка). Французский текст приводится без изменений. Три болгароязычных документа переведены мною на русский (я стремился к дословному переводу). Я пользовался угловыми (в режиме расшифровки) и квадратными (в режиме комментария) скобками, опуская свои инициалы. Я прибегал к квадратным скобкам и в тех случаях, когда, в целях облегчения понимания, не расшифровывал, но дописывал текст. Подчеркивание и перечеркивание определенных слов и словосочетаний следует оригиналу. Курсив вводится мною, а его конкретное значение оговаривается при воспроизведении соответствующих фрагментов. В некоторых случаях вместо новой строки вводится знак цезуры.

Воздерживаюсь от содержательного комментария, так как в отношении французского контекста Мережковского считаю себя некомпетентным, а комментарий к болгарскому контексту Божкова считаю преждевременным.

⁸⁴ О таком месте Стоянова в литературном поле того времени можно судить, например, по нескольким абзацам в указанной работе Пенева: Певев, Боян. За литературния плут, с. 130-131, 146-147.

⁸⁵ Burger, Peter: *The Decline of Modernism* [1983] // Он же. *The Decline of Modernism*. [Б. м.]: Pennsylvania State UP, 1992, с. 32-47.

**Письмо графа Маврикия Прозора, секретаря общества «Друзья Дмитрия
Мережковского», Дино Божкову⁸⁶**

Maison Rose. Chemin des Pins
Cimies-Nice

30 Janvres 1927

Милостивейший Государь!

Зная, что Вы интересуетесь всем касающимся Д. С. Мережковского, смею обратиться к Вам с просьбой.

В Париже основалось общество «Друзей Дмитрия Мережковского» (воззвание которого я Вам пересылаю), для помощи великому автору.

Представители этого общества в разных странах уже получили фонды, собранные путем праздников, газетных подписок и т.п.

К сожалению, фонды эти отнюдь не велики, и хватило⁸⁷ только на несколько месяцев жизни писателя. [л. 15 об.:] Из славянских стран ответила только Чехо-Словакия, во главе с Президентом Масариком.

Надеюсь, что Вы не откажете принять на себя распространение воззвания в пределах Вашей страны и эвентуально⁸⁸ пересылку фондов.

Зная количество читателей Мережковского в Болгарии и рассчитывая на их сердечный отзыв, я заранее от души Вас благодарю за благосклонное участие в этом добром деле.

Искренно уважающий Вас

Гр. М. Прозор⁸⁹

Воззвание общества «Друзья Дмитрия Мережковского»⁹⁰

Monsieur,

Il y aura bientôt quarante ans que Dmitri Merejkovsky, l'illustre auteur de la MORT DES DIEUX et du REGNE DE L'ANTECHRIST a débuté dans la carrière des Lettres. Apres avoir édifié l'œuvre immense que l'on sait, M. Merejkovsky, sous le coup des récentes mesures édictées par les Soviets, se voit aujourd'hui privé de ses dernières ressources. Un certain nombre de personnalités françaises, écrivains pour la plupart, ont déjà donné leur adhésion à notre initiative « en vue d'assurer à l'illustre écrivain le calme et la sécurité dont il a besoin pour achever l'œuvre de sa vie ».

Vous trouverez sous ce pli un appel signé par MM. A. Antoine, Henri Béraud, E. Brioux, Emile Buré, Paul Clodel, François de Curel, René Doumic, Louis Dumur, Claude Farrère, Robert de Flers, Edmond Jaloux, Georges Lecomte, Dr. Auguste Marie, Comtesse de Noailles, Maurice Paléologue, Comte Prozor, Rachilde, Henri de Régnier, Edouard Schuré, Marcelline Tinayre, C. Widor.

L'appel a déjà trouvé de l'écho à Vienne où M. Hugo de Hoffmansthal le célèbre auteur d'Electra et M. Robert de Schaukal l'écrivain éminent ont tenu à joindre leurs signatures à celles que nous venons d'énumérer.

Il est à souhaiter que les groupements analogues soient créés dans les principaux centres de culture. A défaut, toute initiative généreuse sera accueillie avec une profonde reconnaissance. Pour tous renseignements s'adresser au secrétaire du Comité d'honneur, M. le Comte Prozor, Maison Rose, Chemin des Pins, Cimiez-Nice (Alpes-Maritimes).

Veillez agréer, Monsieur, l'assurance de nos sentiments les plus distingués.

Pour le Comité Français :⁹¹

⁸⁶ Л. 15-15 об. Рукопись. Бумага, расчерченная в линейку. Довольно крупный, с наклоном, и разборчивый почерк. Первая строка после обращения – без отступа. Однострочные интервалы между абзацами.

⁸⁷ Так в оригинале.

⁸⁸ В случае возможности (от лат. eventus – случай).

⁸⁹ Подпись; совершенно иным почерком и лиловыми чернилами.

⁹⁰ Л. 16. Машинопись. На бланке ««Les Amis de Dmitri Merejkovsky»: Comité d'honneur». Бумага с водяным знаком.

⁹¹ Подписи нет, как нет и даты.

Письмо Мережковского Божкову от 10 ноября 1927 г.⁹²

11-bis, Av. Colonel Bonnet
Paris (XVIe)⁹³
10-XI-27.

Глубокоуважаемый г[осподин]. Божков,

Сердечно благодарю Вас за Ваше любезное письмо. Я Вас, действительно, помню смутно. Я буду очень рад если Вы возьмете на себя перевод и защиту моих произведений в Болгарии. Условия, на которых я согласился бы авторизировать перевод моих вышедших в России, т.е. незащищенных книг следующие: известный процент с цены экземпляра и аванс при подписании договора. Что касается моих новых книг (7-8 томов), вышедших за границей, авторские права которых защищены, то условия те-же, с той лишь разницей, что % с экземпляра более высокий, чем за книги незащищенные.

Не откажите в любезности сообщить имеете ли Вы уже издателя на полное авторизированное собрание моих сочинений? Если нет, то я очень советовал бы Вам такового найти, я предоставил бы ему также исключительное право и на будущие мои произведения. Не обязательно, конечно издавать все книги сразу, но лучше чтобы они появлялись у одного издателя, который имел бы то преимущество перед другими, что издания его носили бы пометку авторизированного перевода.

Итак жду от Вас ответа насчет издателя и условий и еще раз благодарю Вас за Ваше любезное обращение.

С искренним уважением
[Подпись]⁹⁴

Письмо от 20 января 1928 г.⁹⁵

20/1 28

11bis Colonel Bonnet

Глубокоуважаемый
Г. Божков,⁹⁶

посылаю Вам доверенность и список моих главных книг.

Мне кажется, самое важное и <насушное> было бы найти хорошего, солидного издателя для некоторых моих последних сочинений, вышедших уже здесь во Франции (напр. «Мессии»⁹⁷, «Тайны Трех», «Рождении богов (Тутанкамон на Крите)» и охраняемые здешними⁹⁸ законами об авторских правах, или же для еще неизданных в Болгарии моих сочинений. Если «Л. Толстой и Достоевский» не изданы, то хорошо было бы <и с них> начать. Что касается до уже изданных моих сочинений, то получить за них что-либо мне ~~предет~~ кажется трудным и даже едва ли возможным, если только не будет очень сильного правительственного нажима на издателей, на что, полагаю, рассчитывать почти невозможно. Во всяком случае, это дело очень далекое и проблематичное, а мне всего дороже, как Вы сами поймете, [2 об.:] скорая помощь в моем страшно-трудном положении, в котором я сейчас нахожусь.

⁹² Л. 1. Машинопись. Полупрозрачная бумага без водяного знака.

⁹³ Имя города и номер района внесены рукописью.

⁹⁴ Рукописное «Д. Мережковский.», без каких бы то ни было особых примет.

⁹⁵ Л. 2-2 об. Рукопись. Бумага с рельефной сеткой и водяным знаком, расчерченная в линейку.

⁹⁶ В публикуемых здесь письмах Мережковский пользуется тремя размерами отступа в начале абзацев: большим (во второй строке обращения, >3 см), средним (в первой строке обращения, ок. 2 см), малым (собственно в тексте письма, <1,5 см) (наименования условные). Первая строка после обращения как новый абзац не оформляется. В настоящей публикации разница между отступами малого и следнего размера снимается.

⁹⁷ Автор пользуется не «франко-русскими», но „немецкими“ (а точнее, „болгарскими“) кавычками.

⁹⁸ Так в оригинале.

Подумайте также о возможности театральной⁹⁹ постановки «Павла I» и «Царевича Алексея». Заключение контракта с большим театром¹⁰⁰ могло бы дать немедленные хорошие практические результаты, которые для меня, повторяю, сейчас важнее всего, так как что бы¹⁰¹ сделать чтонибудь¹⁰² мне нужно, как Вы верно замечаете, сохранить физические силы, а для этого нужно хоть какое-нибудь <верное> [?] обеспечение.

Сердечно Вас благодарю за Вашу братскую доброту и твердо верю в успех нашего дела. Вашу помощь я принимаю, как помощь Вашего благородного народа, исторически и духовно связанной давней братской связью с Россией.

Искренне уважающий Вас
[Подпись]

Письмо Мережковского Божкову от 30 марта 1928 г.¹⁰³

30 28
III

11bis Colonel Bonnet
Paris XVIe

Глубокоуважаемый
Господин Божков,

сердечно благодарю Вас за Ваше письмо от 19 марта. Оно меня очень тронуло. Чувствую, что Вы, действительно, «близкий мне по душе» человек. Лучшая награда писателю то, что у него могут быть такие друзья.

Я очень рад, что «Л. Толстой и Достоевский» появится на болгарском языке¹⁰⁴ и что моя доверенность пришла вовремя к Вам.

Не думаете ли Вы, что одновременно с «Л. Т.¹⁰⁵ и Д.» можно бы заказать перевод других моих сочинений, напр. романов «14 Декабря», «Александр I», «Рождение богов» и «Мессии». Последние два написаны мною уже здесь, во Франции. «Мессия» появится во французском переводе в мае-июне, здесь, в Париже. Если хотите, я Вам его перешлю¹⁰⁶: Вам, м. б., будет легче найти издателя, имея французский текст. Подгот<овляется> также [л. 3 об.:] на многих языках новая книга моя о Наполеоне. Думаю, что и она будет интересна для болгар. Но главное, найти для всего этого хорошего издателя, что¹⁰⁷ судя по Вашему письму, не так->то легко сделать. Но не теряю надежды, что при Вашем добром участии это удастся сделать.

Что касается «скорой помощи», то как она мне ни важна, я бы не хотел, чтобы Вы из Ваших небольших средств оказывали мне эту помощь, хотя я чувствую, что Вы это делаете из самого доброго сердца и я этим глубоко тронут, но мне было бы совестно Вас обременять. Лучше подождать, не даст ли чего-нибудь сбор болгарских¹⁰⁸ писателей, которым прошу передать мою братскую глубокую благодарность и сердечный привет.

Еще раз спасибо за все. Как Ваше здоровье? Это главное. Напишите мне, получше ли Вам.

Искренне преданный¹⁰⁹ Вам

[Подпись]

⁹⁹ Слово вставлено поверх строки.

¹⁰⁰ Зачеркнутая запятая.

¹⁰¹ В оригинале отдельно.

¹⁰² В оригинале без дефиса; после слова – без запятой.

¹⁰³ Л. 3-3 об. Рукопись. Бумага без водяного знака.

¹⁰⁴ Нам неизвестно такое издание.

¹⁰⁵ Между инициалами пишущий всюду оставляет пробел.

¹⁰⁶ Перед двоеточием – зачеркнутая запятая.

¹⁰⁷ Так в оригинале: ударное «о», без запятой.

¹⁰⁸ Слово вставлено поверх строки.

¹⁰⁹ Здесь и в остальных случаях (см. ниже) Мережковский пишет это слово через одно «н».

К данному или ко следующему письму¹¹⁰

Получил от Господина Божкова пятьсот (500) франков
[Подпись]¹¹¹
2 Апреля 1928 г.

Письмо от 12. IV. 28 г.¹¹²

12 28
IV

11bis Colonel Bonnet
Paris XVIe

Глубокоуважаемый
Господин Божков,

Вы получите это письмо к Воскресению Христову, а потому говорю Вам, христосуясь с Вами¹¹³ по русскому и славянскому обычаю: Христос воскрес!

Ваши 500 фр. я получил и сердечно благодарю за них. Но принимаю <их> с тем условием, чтобы они вернулись Вам за мой первый гонорар.

Что касается до моей поездки в Болгарию, то я хорошо сознаю, как это было бы важно для успеха нашего дела. Но не посетуйте на меня, если я¹¹⁴ Вам скажу откровенно, что такое огромное путешествие для меня сейчас, по многим причинам, внешним и внутренним, слишком трудно. Я вообще человек ~~трудно~~ не легко сдвигающийся с места; да и чувствую себя не так хорошо, чтобы предпринимать сейчас такое дальнейшее путешествие. К тому же я, в течение многих лет, никогда не [л. 5 об.:] расставался с моей женой З. Н. Гиппиус¹¹⁵, а она сейчас тоже не важно себя чувствует. Ехать без спальн~~ных~~ мест~~а~~ мы не могли бы, а путешествие с комфортом стоило бы огромных денег: я бы ни за что не хотел обременить Вас такими расходами, не будучи уверен, что они могут возместиться в определенное время из моего гонорара. В<от> все таки дело с изданием моих сочинений в Болгарии, судя по Вашему последнему письму, находится пока еще в состоянии неопределенном. В виду всего этого, очень прошу отложить этот проэкт¹¹⁶ на будущее время и не думать, что мой теперешний отказ мешает мне видеть в Вашем предложении лишнее доказательство Вашей ко мне доброты.

То¹¹⁷ что Вы пишете насчет «консорциума капиталистов» для издания моих сочинений дает мне большие надежды, хотя и я и сознаю, как это трудно и сложно. Но, разумеется, если найти серьезных издателей, то это единственный возможный способ. Думаю, что если найдутся умные и просвещенные [л. 6:] люди, то они поймут, то даже с точки зрения чисто-практической, дело это может дать хорошие результаты, под тем, конечно, условием, чтобы¹¹⁸ начать его и довести, как следует, а что Вы это сумеете сделать, я не сомневаюсь.

Да, б.м., с «Мессии» надо бы и начать, а также с «Наполеона». «Мессию» вышлю Вам, как только он выйдет отдельной книгой (он появлялся главами¹¹⁹ в «Совр. Записках» за 1926 – 1927 годы). «Наполеон» печатается в «Возрождении» отрывками, а также в «Совр. Зап.» Если хотите, я Вам пришлю оттиски, когда их получу. Переведен ли мой роман «14 Декабря» и «Александр I»? Эти романы тоже могли бы заинтересовать болгарскую публику.

~~Но~~ Если найдутся капиталисты, то, конечно, лучше бы всего издать сразу несколько книг, объявив выход «Собрания сочинений». Впрочем, во всем полагаюсь на Вас: Вы знаете местные условия и можете решить, как лучше поступить. [л. 6 об.:] Я не сомневаюсь, что

¹¹⁰ Л. 4. Рукопись. Бумага чуть меньшей плотности; с иным водяным знаком.

¹¹¹ Отличается от обычной очень длинным горизонтальным «хвостом» заглавного рукописного «д». Та же особенность в письмах от 6 марта 1929 г., 24 февр. и 21 апр. 1931 г.

¹¹² Л. 5-6 об. Рукопись. Бумага как в записке от 2 апреля.

¹¹³ «С Вами» вставлено поверх строки.

¹¹⁴ Вставлено поверх строки.

¹¹⁵ Имя вставлено поверх строки.

¹¹⁶ Через «э» в оригинале.

¹¹⁷ Так в оригинале.

¹¹⁸ Слова «под тем, конечно, условием, чтобы» вставлены поверх строки.

¹¹⁹ Слово вставлено поверх строки.

Ваша энергия и желание послужить нашему общему делу – борьба за Христианство – ~~будет~~ залогом успеха.

Здесь в Париже есть общество «Зеленая Лампа», где происходят собеседования почти на те же темы, как в Петербургском Религ.-Филос. Обществе. В последних собраниях мы много говорили о В. В. Розанове и его страшном «Апокалипсисе наших дней». Я буду говорить о нем в следующем собрании, и речь моя будет напечатана в «Возрождении» 23–24 Апреля. Просмотрите ее, а если у Вас нет «Возрождения», то я Вам вышлю номер.¹²⁰

Еще раз прошу Вас, не сетуйте на меня, за то что я не еду сейчас ~~к Вам~~ в Болгарию. Если бы Вы лучше знали мои обстоятельства и мой характер, Вы бы поняли, как мне это трудно: рад бы в рай, да <грехи>¹²¹ не пускают!

В ожидании от Вас добрых известий, прошу верить в мою сердечную благодарность за ~~Вашу~~ всю Вашу доброту ко мне.

Искренне преданный Вам
[Подпись]

Письмо от 18 мая 1928 г.¹²²

12 28
IV

11bis Colonel Bonnet
Paris XVI.

Глубокоуважаемый и дорогой
Господин Божков¹²³,

я получил Ваше письмо из землетрясения¹²⁴ – «труса» – какое верное и страшное слово! Очень понимаю Ваше состояние, тем более, что сейчас замышляю книгу об «Атлантиде» («Тайна Запада» – «Атлантида – Европа»), где, впрочем, речь идет о «труссе» внутреннем (социальном), если не более, то и не менее страшном, который нам, русским, пришлось-таки испытать вполне.

Понимаю также Вам сейчас не до книг. Но когда земля успокоится, то м.б. и книги снова понадобятся. Очень рад, что Вы решили издать целый ряд моих ~~нужных~~ сочинений одновременно.

«Мессия» вышлю Вам в отпечатке с этим письмом, а позже и отдельным изданием. Из «Напол.» вышлю Вам отдельные главы, когда получу отпечаток из «Совр. З.»[.]

Не оставляйте меня без известий, хотя бы самыми короткими, и спасибо сердечное, что даже в такое ужасное время Вы меня не забываете.

Сердечно преданный Ваш
[Подпись]

Письмо от 22 ноября 1928 г.¹²⁵

Villa Tranquille
Le Cannes, A. M.
22-XI-28

Глубокоуважаемый г. Божков,

¹²⁰ Божков познакомился с Розановым в 1900-ые гг.; в 1908-1910 гг. в издаваемом Божковым журнале «Духовная пробуда» печатаются переводы работ Розанова; интерес Божкова к Розанову сохранился на многие десятилетия.

¹²¹ Благодарю Александра Медведева за идентификацию этого слова.

¹²² Л. 7. Рукопись.

¹²³ В этот раз обращение вынесено, притом симметрично, почти в середине строки.

¹²⁴ По всей вероятности, имеется в виду т.наз. Чирпанское землетрясение (14 апреля 1928 г.).

¹²⁵ Л. 8-8 об. Бумага с иным водяным знаком. Другой почерк, равномерный и разборчивый. Большой размер отступов в начале абзацев (ок. 3 см вместо обычных 1,5 см). Наличие отступа и в начале текста (после обращения). Исправления произведены надстрочными вставками (у Мережковского чаще – сразу рядом, т.е. по ходу письма, а не при прочтении готового текста). Написано сине-лиловыми (а не черными, как остальные письма) чернилами.

Ваше письмо, посланное по аэропланной почте, я не получил и поэтому не мог Вам на него ответить[.] Напишите мне в чем дело, почему его содержание должно было меня опечалить и возмутить?

Очень жалею, что Вы не сообщили мне о своем желании повидаться со мною в Белграде. Визу я выхлопотал бы Вам без особого труда. В Софию я не мог захватить по двум причинам: во-первых, никто меня туда не приглашал (в Белград я поехал только после настойчивых приглашений), а во-вторых, пребывание в Сербии настолько меня утомило, что я едва добрался домой и в дороге заболел, так что о поездке к Вам нечего было и думать.

«Жизнь Наполеона», с которой Вы собираетесь начать издание моих книг на болгарском языке, – второй том моей работы о «Наполеоне»¹²⁶. Первый – «Наполеон-Человек». Но, все равно, Вы можете пока начать переводить «Жизнь Наполеона». Том ~~второй~~ первый я вышлю Вам, когда он он [так!] появится по русски. Что же до предисловия то сейчас мне писать его трудно, даже самое коротенькое: я очень занят своей новой книгой. Когда время подойдет к изданию, тогда, м.б., напишу. Кстати, как обстоит у Вас дело с изданием моих книг? Удалось ли Вам что-нибудь [1 8 об.:] устроить, какие у Вас перспективы? Меня это, как Вы сами понимаете, очень интересует.

Что же касается Ваших страхов насчет обращения сербских издателей к французским с целью приобретения у них права на издание моих книг по ~~сербски~~ болгарски, то эти страхи, по моему, лишены основания. Никто из фр. издателей не может продать прав на сербский перевод моих произведений, потому что этими правами не располагает и если такие предложения получатся, то их, обычно, переправляют мне. Я, конечно, предполагаю, что Вы имеете ввиду¹²⁷ мои «защищенные во Франции книги. Вот для книг незащищенных незачем испрашивать санкцию фр. издателей, т.к. она, все равно, никакого значения не имеет и от ответственности перед болгарским судом не освобождает.

И так жду от Вас известий.

С искренним уверением в благодарности
[Подпись]

Письмо от 24 января 1929 г.¹²⁸

11 bis, Av. Colonel Bonnet, Paris XVI
24-I-29

Глубокоуважаемый г. Божков.¹²⁹

Спасибо большое за чек, который получил на днях.

Жду от Вас дальнейших известий и новых чеков, *если к.<н>б. новые дела устроятся.*

С искренним уважением и благодарностью¹³⁰

[Подпись]

Письмо от 6 марта 1929 г.¹³¹

11bis Colonel Bonnet
Paris (XVI)

Глубокоуважаемый
Г. Божков,

6 29
IV

¹²⁶ В кавычках.

¹²⁷ Так в оригинале.

¹²⁸ Л. (половина листа) 17. Снова немного измененный почерк, промежуточный по виду, но ближе ко второму / новому виду. Отмеченные курсивом фрагменты – прежним (первым) почерком и черными (а не голубыми) чернилами.

¹²⁹ Точка в оригинале.

¹³⁰ Без знака препинания.

¹³¹ Л. 9-9 об. «Старый» почерк. Бумага с «прежним» водяным знаком.

Вы напрасно сердитесь з на меня за то¹³² что не могу Вам писать своей рукой, а диктую письма деловые, <спешные>: если бы Вы знали как безумно я устал до боли в руке от переписки рукописей (в 5 лет написал 4 книги – 6 томов – около 15.000 страниц рукописи и замарок!), Вы бы на меня не сердились за такую пустую формальность. *Что же касается до благодарности, то я Вам о ней уже писал, а в каждом письме все раз<лива>ться в благодарностях мне кажется бесполезно и странно.*¹³³ И так, если позволите, я буду иногда диктовать письма, чтобы не было <слишком> промедлений, а если кто-то и Вы все таки потребуете, чтобы я сам писал, то не посетуйте, что ответ будет замедляться.

«Жизнь Н.» печата<ют>, но не выйдет раньше, чем через месяц или 1½, тогда вышло. Не могу Вам выслать N 15 из [«]Возрождения[»], п.ч. не знаю, <тали> эта глава – напишите, перед чем она | [л. 9 об.] и после чего, чтобы я мог сообразить – у меня фельетоны из [«]Возрождения[»] без чисел, а только с заглавиями глав. Как только напишите, вышлю Вам требуемую главу.

Очень рад, что «Ж. Н.» будет раньше печататься в газет<ах/е>.

О Розанове моя статья появилась в «Новом Корабле»¹³⁴. Разве Вы его не имеете. Если нет, то вышло. Но мне казалось, что я Вам уже высылал его.

Искренне преданный Вам
[Подпись]

Письмо Мережковского Божкову от 24 февраля 1931 г.¹³⁵

11bis Colonel Bonnet
Paris (XVIe)

24 31
II

Глубокоуважаемый
Д[ино]. Божков,

сердечно благодарю Вас за Ваши хлопоты и прошу от моего имени Г-на Богдана Иерусалимова за его труды. Решение суда Софии, помню, не только для меня, но и для других русских писателей. Я постараюсь довести его до их сведения через газеты.

Я прошу моего издателя в Белграде выслать Вам мою новую книгу «Тайна Запада» (Атлантида-Европа¹³⁶).

Буду Вам искренне благодарен за возможно-скорую пересылку причитающихся мне 1.000 фр.

Мое имя и отчество Дмитрий Сергеевич.

О Розанове я <только> говорил на собрании, но речи своей не записал и не напечатал.

Очень прошу не оставить меня без известий о дальнейшем ходе дела.

Искренне преданный Вам
[Подпись]

Приписки Божкова к письму от 24 февраля 1931 г.

[1]

Я передал Вашу бл[агодарность]. Б[огдану]. Иер[усалимову]. Он считает, что исполнил свои долг к писателю и учителю, которого всегда читал с любовью и не заслужил особой благ[одарности].¹³⁷

[2]¹³⁸

¹³² Без запятой.

¹³³ В поле рядом с этим пассажем (занимающим в рукописи четыре строки) – красные, одна под другой, дуги, карандашом; предположительно, рукой Божкова.

¹³⁴ Подчеркнуто красным карандашом.

¹³⁵ Л. 10. Рукопись.

¹³⁶ Через дефис.

¹³⁷ В левом поле, перпендикулярно тексту письма, карандашом. На русском яз.

Высланы / 9[-го].IV.1931 / 1000 фр. ... 5570 / почт. расх. 30 / конверт 4 / воск и печ. 5 / 5609 / 500 / мой расх 6109¹³⁹
9636 / – 6109 / Адвокату 3527 / 3000 / Мне братъ 527¹⁴⁰

Почтовая расписка от 9 апреля 1931 г.¹⁴¹

О принятии 1 <у> письма / весом 22 гр., с объявленной стои / мостью левов пять тысяч пятсот и наложенным платежом лв. ... ст. ... / г-ну D. Merejkovsky / в Paris / взята пошлина в левах [в размере] 30 ст[отинок]. / Подпись [служащего]

Расписка адвоката Богдана Иерусалимова, выданная Божкову 8 апреля 1931 г.¹⁴²

Подписавшийся Богдан М. Иерусалимов, адвокат из города Софии, удостоверяю, что получил от г.[осподина] 8-го судьи исполнителя при Софийском окружном суде сумму (9.630) девять тысяч шестьсот тридцать левов, присужденная сумма по ведомому мною делу Димитрия Сергеевича Мережковского[,] русского писателя в Париже, по передоверию от Дино Божкова из гор. Софии, против фирмы Иван Игнатов & Синове – София Книгоиздательство.

Из этой суммы я в качестве полномочника получил от г. Дино Божкова как вознаграждение [12 об.:] за ведомое мною дело – сумму (3000) три тысячи левов, чем я считаю себя вполне удовлетворенным.

Получатель
София 8.IV.931
[Подпись]

Письмо Мережковского Божкову от 21 апреля 1931 г.¹⁴³

21 31
IV

11bis Colonel Bonnet
Paris (XVIe)

Глубокоуважаемый
Г-н Божков,

сердечно благодарю Вас и Богдана Иерусалимова за присылку 1000 фр. (тысячу франков).

Своевременно пишу в Белград и повторяю настоятельную просьбу поскорее выслать 2 экз. «Атлантиды» – один Вам, другой Г. Иерусалимову. Не откажите в любезности передать ему этот экземпляр и сердечно поблагодарить его за все, что он для меня сделал.

Жду от Вас дальнейших известий о ходе дела.

Искренне преданный Вам

[Подпись]

¹³⁸ В проемах и местами поверх текста письма, по диагонали, перьевой ручкой. Знаком / обозначаю новую строку в оригинале. На болгарском яз.

¹³⁹ В верхней части страницы.

¹⁴⁰ В нижней части.

¹⁴¹ Л. 11. 6 x 4 см. Форма, заполненная рукой: на болгарском языке. Печать черная круглая: София 9 IV 31.

¹⁴² Л. 12-12 об. Рукопись. На болгарском яз. В верхнем конце л. 12: печать синелиловая: Богдан М. Иерусалимов / адвокат; ул. Ломска, 41 (Дом Д-р Митров). Сохраняю особенности пунктуации и порядка слов.

¹⁴³ Л. 13. Рукопись.

Д. С. Мережковский
(Мои связи и воспоминания о нем)

Я был знаком с ним с 1910 года. В первый раз я его увидел и услышал выступающим на собрании «религиозно-философского общества» в Петербурге. Он произвел на меня впечатление своими оригинальными понятиями о религии, которые никак не нравились православным богословам. Он был очень близок общественному движению, стремившемуся вывести Россию на новый путь и к новой жизни, и сотрудничал журналу «Новый путь».

Мережковский не очень известен в Болгарии. Переведены и изданы на болгарском только несколько его сочинений, среди которых «Наполеон» и «Месия», а он написал [также]: «Юлиан Отступник», «Леонардо да Винчи» (два больших тома), «Петър и Алексей», «Флорентинские новеллы», «Павел Первый» (пьеса), «Александр Первый», «14 декабря», «Тутанкамен на Крите», «Месия» [так!], «Романтики» (пьеса), «Будет радость» (пьеса), «Царевич Алексей», «Толстой и Достоевский» (очень интересная и важная большая книга в двух томах), «Вечные спутники», «Гоголь и чорт», «Лермонтов», «Грядущия¹⁴⁵ хам», «На пути в Эммаус», «Гайна трех (Египет; Вавилон)», «Не мир, но меч».

Одна из последних (если не последняя) книг Мережковского это «Атлантида-Европа». Эта книга прежде всего научное, притом всестороннее, исследование Атлантиды и ее судьбы. Чтоб написать эту книгу, Мережковский прочел и цитировал 2300 работ, вышедших на разных новых и древних языках. Его основная мысль состоит в том, что Атлантида затонула и исчезла в водах там, где сегодня Атлантический океан. И предупреждает, что и Европа будет затоплена, только не водами, а в крови, и исчезнет, если дело дойдет до новой войны – войны атомными и водородными бомбами.

Очень интересна книга Мережковского «Атлантида-Европа», но я не знаю скольким людям она известна в Болгарии. Она напечатана в Белграде в 1932 году. Издана тамошней академией наук. Она большая – [охватывает] целых 532 больших страниц, а только цитаты [так!] в конце занимают 20 страниц.

В течении ряда лет я поддерживал живые связи с Мережковским. Он упомоночил меня защищать его авторские права в Болгарии, и в двух случаях я их защитил, за что он был мне очень благодарен. У меня было много писем от него. К сожалению, во время бомбардировок¹⁴⁶ они сгорели, как сгорела и доверенность, которую я имел от него.

Случайно сохранились лишь следующие письма, которые прилагаю здесь:

1. Письмо из Парижа, от 10 ноября 1927 г.
2. от¹⁴⁷ 20 января 1928 г.
3. от 30 марта 1928 г.
4. Расписка о полученных 500 левах, от 2 апреля 1928 г.
5. Письмо от 12 апреля 1928 г.
6. от 18 мая 1928 г.
7. от 22 ноября 1928 г.
8. от 24 января 1929 г.
9. от 6 марта 1929 г.
10. от 24 февраля 1931 г.
11. от 21 апреля 1931 г.
12. на французском языке от друзей¹⁴⁸ Мережковского

¹⁴⁴ Л. 14. Машинопись. На болгарском яз. Заглавия произведений Мережковского, кроме «Месии» (при первом упоминании), «Петра и Алексея» и «Грядущего Хама», даны у Божкова на русском. «Юлиан Отступник» и «Тутанкамен на Крите» – на болгаро-русском. Считая, что опечатки показательны (разумеется, не для степени владения Божковым русским языком), сохраняю написание всех заглавий без изменений. Сохраняю также интервал между инициалами Мережковского в заглавии, считая его наличие признаком культурно-языковой среды, сформировавшей Божкова.

¹⁴⁵ Форма с (постпозитивным) артиклем. Одно из заглавий, данных по-болгарски.

¹⁴⁶ В ходе Второй мировой войны – одиннадцать бомбардировок Софии американской и британской авиацией (первая 14 ноября 1943 г., последняя 17 апреля 1944 г.).

¹⁴⁷ Сохраняю чередование заглавных и прописных букв после чисел, наличное в оригинале.

13. на русском языке [от них же]
София, 20.IV.1959¹⁴⁹ [г.] [подпись]

Yordan Lyutskanov: **Dmitry Merezhkovsky in Bulgarian translations and criticism**

In this contribution I complement previous research on the topic with new bibliographical data and interpret both new and old data from the following standpoints. Which social-cultural roles of Merezhkovsky were in demand by the Bulgarian public? Who were the promoters of his works in Bulgaria? What kind of historical change is traceable in the Bulgarian reception of Merezhkovsky? I was able to suggest that demand for Merezhkovsky as connoisseur and promoter of 'classical tradition' and for him as an expert in Russian literature of the 19th c. was the most stable. Dino Bozhkov, Lyudmil Stoyanov and, probably, Stilian Chilingirov were the Bulgarian authors who produced the most abundant evidence of having actively read Merezhkovsky.

As an appendix to my review, I am publishing some documents from the archival collections of the Bulgarian Academy of Sciences in Sofia: ten letters by Merezhkovsky to Bozhkov, 1927-1931 (just a portion from what had been available in the personal archive of Bozhkov, one severely damaged in 1943-1944), a letter by Count Maurice (Mavrikij) Prozor to the same person, an appeal from the society "Les Amis de Dmitri Merezhkovsky", and a bio-bibliographical note on Merezhkovsky by Bozhkov (1959).

Key words and phrases: Dmitry Merezhkovsky in Bulgaria; Lyudmil Stoyanov; Dino Bozhkov; "The friends of Dmitry Merezhkovsky" society / honorary committee; early modernism; classical tradition; conservative avant-guard

¹⁴⁸ С прописной буквы и без артикля.

¹⁴⁹ Место и дата – рукописью.